

Евгений (Решетников), архиеп. Верейский. Проблемы высшего богословского образования в России: Интервью швейцарскому журналу «Glaube in der 2. Welt» («Вера во втором мире») // Богословский вестник 2003. Т. 3. № 3. С. 224–236.

ОТДЕЛ III

ДОКЛАДЫ. СЛОВА. ПРОПОВЕДИ И РЕЧИ. ВОСПОМИНАНИЯ

АРХИЕПИСКОП ВЕРЕЙСКИЙ ЕВГЕНИЙ,
РЕКТОР МДАИС

ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕГО БОГОСЛОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ ИНТЕРВЬЮ ШВЕЙЦАРСКОМУ ЖУРНАЛУ «GLAUBE IN DER 2. WELT» («ВЕРА ВО ВТОРОМ МИРЕ»)¹

Ваше Высокопреосвященство, расскажите, пожалуйста, о современном состоянии образования в Русской Церкви. Что изменилось с тех пор, как Церковь получила возможность свободно развивать свое образование?

Хочу сразу сказать, что я буду говорить в основном о проблемах высшего богословского образования в нашей Церкви. За дошкольное, школьное образование, а также за общепросветительские программы отвечает Отдел по религиозному образованию и катехизации, возглавляемый архимандритом Иоанном (Экономцевым).

За последние десять с небольшим лет ситуация в сфере церковного образования изменилась коренным образом. Достаточно сказать, что в конце восьмидесятых годов у нас было всего лишь три Духовных семинарии — Московская, которая находится в Троице-Сергиевой Лавре, в Сергиевом Посаде, Ленинградская (ныне Санкт-Петербургская) и Одесская, и две Духовных Академии — Московская и Ленинградская (ныне, соответственно, тоже Санкт-Петербургская).

¹ На русском языке публикуется впервые. На немецком языке опубликовано в: Glaube in der 2. Welt. 7/8. 2002. 30. S. 32—35.

Традиционные для Русской Церкви учебные заведения — это Духовные академии, семинарии и училища. Их основной задачей была и остается подготовка священнослужителей. Именно этим обстоятельством обусловлен тот факт, что в этих школах учатся только лица мужского пола. При академиях и многих семинариях существуют также регентские и иконописные школы — в этих учебных заведениях могут также учиться и девушки.

В 90-е годы началось массовое открытие новых Духовных школ, но помимо этих традиционных для нашей Церкви учебных заведений стали во множестве открываться богословские институты, университеты, во многих светских вузах были открыты факультеты и кафедры теологии. В настоящий момент картина достаточно пестрая, но я постараюсь в ходе нашей беседы обрисовать ее в общих чертах.

Теперь немного статистики. На настоящий момент в ведении Учебного Комитета Русской Православной Церкви насчитывается 5 Духовных Академий, 26 Духовных Семинарий, 31 Духовное училище и 4 школы, имеющих статус курсов. В Москве существует также Православный Свято-Тихоновский богословский институт, который имеет филиалы во многих регионах нашей страны. Я не случайно упомянул отдельно об этом институте. В отличие от всех вышеупомянутых Духовных школ студентам этого вуза выдают государственные дипломы, и это является существенным отличием.

А почему студентам Академий и Семинарий не выдают дипломы государственного образца?

Правовое положение Православной Церкви в современной России по-прежнему остается во многом противоречивым. Эта противоречивость проявляется в том числе и при решении вопросов, связанных с получением государственной лицензии и аккредитации, без чего семинарские и академические дипломы не могут быть признаны государством. Нам удалось получить лицензию на преподавательскую деятельность, но государственной аккредитации,

которая бы ставила дипломы семинарий и академий в один ряд с дипломами государственных высших учебных заведений, у нас до сих пор нет.

В нашей системе образования есть ряд особенностей, которые традиционно присущи Духовной школе и которыми мы не можем поступиться: учебный год у нас строится в соответствии с церковным календарем, поэтому по количеству часов наши семестры не совпадают с семестрами светских вузов, несколько отличается система аттестации и т. д. Но честно говоря, думаю, что даже не эта специфика Духовных школ сильнее всего мешает государству признать их наряду с другими учебными заведениями. Основным препятствием являются, на мой взгляд, до сих пор распространенные стереотипы в отношении Церкви и ее роли в государстве и обществе. Взять хотя бы ложно понятое положение Конституции, что Церковь отделена от государства. Да, отделена, как и все другие религиозные организации, ну и что ж с того? Это положение означает лишь то, что законы религиозной жизни не являются общеобязательными для всех граждан нашего государства, что, скажем, из-за отсутствия справки об исповеди у государственного чиновника не будет возникать проблем на работе, как это было до революции, когда Православная Церковь была государственной. Спорт, например, у нас тоже отделен от государства, однако в последнее время именно государством развернута широкомасштабная кампания по повышению роли спорта в жизни общества. Значит, данный принцип вовсе не означает, что сегодня Российское государство не может поддерживать Церковь — даже наоборот, в «Законе о свободе совести и религиозных организациях» черным по белому написано, что государство содействует религиозным организациям в их общественнополезной деятельности. В чем, Вы спросите, заключается интерес государства в подготовке образованных священнослужителей? Именно священники закладывают в души людей, особенно молодого поколения, основы нравственности и патриотизма, на которых строится любое государство, а без духовно-нравственного и патриотического воспитания не может быть сильного государства.

Итак, на сегодняшний день из всех учебных заведений Русской Православной Церкви только Свято-Тихоновский Богословский Институт имеет и государственную лицензию, и государственную аккредитацию — это, конечно, большое завоевание, но все равно называть его полностью государственным вузом было бы преждевременно, в первую очередь из-за отсутствия государственного финансирования.

Недавно был введен государственный стандарт по теологии. Повлияет ли это существенным образом на ситуацию в области богословского образования? Каковы, на Ваш взгляд, могут быть последствия этого шага?

Да, действительно в конце прошлого года наконец был принят единый государственный стандарт по специальности «теология», который открывает принципиально новые возможности для развития богословского образования в России уже на государственном уровне. В связи с этим особо хотелось бы сказать о новом направлении в религиозном образовании, которое сформировалось у нас за последнее десятилетие. Речь идет о так называемом *светском религиозном образовании*. Сразу должен отметить, что это явление для России достаточно новое. Это не значит, конечно, что только по одному этому оно должно вызывать настороженное отношение. Но тем не менее существует еще довольно много вопросов, связанных с этим типом образования.

До революции понятия духовное и богословское образование употреблялись как синонимы — предполагалось, что собственно богословское образование было органичной частью духовного. Соответственно получить духовное, или богословское, образование можно было в духовных семинариях и академиях. При этом основной задачей семинарий была подготовка священнослужителей, в основном кадров приходского духовенства, а академий, как гласит «Устав Духовных учебных заведений», который традиционно называют филаретовским, — «образование духовного юношества

к высшим должностям»², то есть подготовка кадров для занятия ответственных должностей в структуре Церкви, в первую очередь преподавательских и административных. Таким образом, при общности целей и задач, у семинарий и академий была своя четко выраженная специфика.

Первые попытки создания богословских институтов появились только после революции, в двадцатые годы. Но насколько можно сейчас судить, вызваны они были не столько желанием принципиально изменить или реформировать духовное образование, сколько стремлением сохранить его в новых условиях советской действительности. Впрочем, эти попытки по известным причинам потерпели крах.

Первая более или менее удачная попытка создания православного богословского института имела место в русской эмиграции, в Париже. Но опять-таки, основной задачей, стоявшей перед этим учебным заведением, была именно подготовка священнослужителей для Русской Церкви, находившейся за пределами своего отечества. Об этом говорит и само устройство института — оно, естественно, было почти полностью заимствовано у духовных академий: та же воспитательная система, то же устройство внутренней жизни школы и т. д. Так что каких-то принципиальных отличий от традиционных духовных школ дореволюционной России у Парижского Свято-Сергиевского института, по крайней мере в первые десятилетия его существования, не было. То же самое можно сказать и о Богословском институте, открывшемся в 1943 году в Новодевичьем монастыре в Москве. По сути дела, это была та же духовная школа, которая и возвратилась в 1948 году на свое исконное место в Сергиев Посад и вернула себе историческое название Московской Духовной Академии, не претерпев при этом каких-либо существенных изменений.

Значит, специфика образования в Русской Церкви в настоящий момент заключается в том, что существует светское ре-

² Устав Духовных учебных заведений. СПб., 1814. Ч. I. С. 12.

лигиозное и духовное образование? Каково соотношение этих двух направлений образования? За каким из них, на Ваш взгляд, будущее?

Думаю, что какие-либо определенные оценки давать еще рано. Время все расставит на свои места. Богословские институты и факультеты, кафедры теологии находятся в России только в стадии становления. Но уже есть ряд вопросов, которые не позволяют нам оставаться просто пассивными наблюдателями.

И то, и другое образование является богословским, просто у каждого из них своя специфика. Но если цели и задачи духовного образования определены вполне четко, то, к сожалению, этого нельзя сказать о светском религиозном образовании. Последнее представляет собой новое явление для России, но не для Запада. Поэтому мы не можем не учитывать опыт западных богословских факультетов и кафедр теологии, которые насчитывают уже не одну сотню лет. Богословские факультеты существуют уже долгое время и в университетах традиционно православных стран: Греции, Сербии, Болгарии, Румынии и т. д.

Что и говорить, университетское образование имеет ряд преимуществ. Это и современные методики преподавания, детально разработанные учебные планы и программы, высокий научный потенциал профессоров и преподавателей. Много полезного может дать сотрудничество с гуманитарными факультетами. Наконец, далеко не последнюю роль играет и современная материально-техническая база, прекрасные библиотеки и т. д.

Но с другой стороны, тесное соседство богословского факультета со светскими факультетами не может не отразиться негативно на качестве богословского образования. Надежды на то, что присутствие студентов-богословов в среде религиозно-индифферентных собратьев способно положительно повлиять на последних, как правило, не оправдываются. Чаше, как раз, происходит обратное. В условиях университетского или институтского общежития крайне сложно воспитать в себе навыки духовной жизни, без

которых развитие и становление студента как серьезного богослова будет очень затруднено.

Если руководство богословского факультета или института столкнется, например, с проявлениями безнравственности в студенческой среде, оно будет фактически бессильно что-либо сделать, так как по закону государственное образование носит у нас светский характер и к студенту не могут применяться никакие меры дисциплинарного воздействия в случае нарушения им христианских или церковно-канонических норм жизни. Так что вести процесс «огосударствления» богословского образования нужно с большой осмотрительностью. Без интенсивной духовной, литургической жизни, без усвоения принципов церковности такое религиозное образование может быть неэффективным и, может быть, даже принесет вопреки ожиданиям больше вреда, чем пользы.

Дело в том, что богословское, или духовное, образование — в данном случае я употребляю эти понятия как тождественные — имеет свою специфику. Оно не может сводиться только к накоплению определенной суммы знаний. Для православного богослова весьма важно помнить слова одного из великих учителей Церкви: «Богослов — тот, кто молится». Таким образом, в духовном образовании заложена идея синтеза двух начал познания, данных нам Богом: пути веры и пути разума.

На данном этапе развития богословского образования, думаю, уже всем очевидно, что качественное повышение его уровня возможно только при дальнейшем активном участии со стороны государства. Это касается, в первую очередь, двух важнейших вопросов: государственной аккредитации духовных школ и хотя бы частичного финансирования церковных образовательных программ.

В настоящий момент ситуация такова, что Духовным школам для получения государственной аккредитации необходимо привести свои учебные планы и программы в соответствие с недавно принятым стандартом «теология». Сделать это, честно говоря, будет очень непросто. Основным препятствием здесь будет то, что нам при уже существующей нехватке учебных часов на многие бо-

гословские предметы придется вводить еще несколько новых предметов таких, как политология, социология, информатика, физкультура и даже математика. При наличии единого образовательного стандарта, некоей совокупности богословских и общегуманитарных знаний, преподаваемых и в духовных школах, и на богословских факультетах, основное отличие между ними будет определяться только спецификой учебного заведения: духовные школы останутся учебными заведениями закрытого типа, главной задачей которых будет являться подготовка священнослужителей, а богословские факультеты будут организованы по типу светских гуманитарных факультетов, выпускающих «богословов широкого профиля». Насколько такой вариант развития событий будет приемлем для нашей Церкви? Для нас этот вопрос остается пока открытым, но очевидно, что в ближайшее время нам нужно будет выработать какое-то оптимальное решение этой проблемы. Для этого нужна серьезная общецерковная дискуссия.

Еще раз хочу подчеркнуть, что я ни в коем случае не против светского религиозного образования. Но считаю, что для наиболее эффективного развития церковной жизни среди двух типов богословского образования — духовного и светского религиозного — приоритет должен отдаваться все-таки первому из них. Нужно всячески стремиться к тому, чтобы развитие этих двух направлений богословского образования не порождало бы ситуаций нездоровой конкуренции и соперничества.

Скажите, пожалуйста, насколько успешно осуществляется реформа духовного образования, которая была начата в середине 90-х годов? Дала ли она уже какие-то конкретные результаты?

Конечно, говорить о каких-то значительных результатах было бы преждевременно, но все-таки некоторые положительные тенденции уже наметились. Срок обучения в семинариях увеличен до пяти лет. Пятилетняя система обучения введена уже в Московской и Санкт-Петербургской семинариях и в некоторых других ведущих

духовных школах. В нашей Московской семинарии мы делаем, конечно, все возможное для того, чтобы повысить уровень образования.

Делать это очень непросто, потому что из-за общих кризисных явлений, в значительной степени захвативших и среднюю школу, общеобразовательный уровень абитуриентов за последнее время в целом достаточно сильно снизился. Хотя с другой стороны, есть и положительные тенденции. К ним следует отнести, в первую очередь, то, что очень многие студенты поступают к нам, уже пройдя начальную подготовку в воскресных школах, православных гимназиях и лицеях. Конечно, таким студентам значительно проще включиться в процесс богословского образования, чем тем, кто только в семинарии впервые увидел, например, церковно-славянские книги или прочитал Священное Писание.

На первых курсах семинарии в достаточно большом объеме преподаются общегуманитарные предметы: языки, философия, история. Так что подчас в наш адрес раздавались упреки, что мы хотели сделать из семинарии историко-филологический факультет и, увеличивая нагрузку по гуманитарным дисциплинам, отнимали тем самым время от чтения святых отцов. Но в настоящее время можно считать, что проблема разрешилась. Например, в отношении древних языков мы поставили студентам, которые наиболее активно протестовали против их изучения, очень простое условие: кто не хочет всерьез изучать языки, без знания которых нельзя говорить о дальнейшей серьезной научной работе, тот лишается права поступления в Духовную Академию. Думаю, что со временем мы введем вступительный экзамен в Академии по древним и по новым языкам.

В настоящее время в России возможность развивать систему образования получила не только Православная Церковь, но и другие религии и христианские конфессии. Существуют ли у Вас какие-либо контакты или совместные проекты в образовательной сфере?

Думаю, что самой серьезной сферой взаимодействия Православной Церкви с другими традиционными религиями и конфессиями, существующими в России, является область отстаивания прав на государственную поддержку религиозного образования. Само собой разумеется, что если мы ставим перед государством тот или иной вопрос, касающийся нашей Церкви, и просим государство о поддержке, то тем самым предполагается, что ту же самую поддержку получают и представители других традиционных для России религий и конфессий. Поэтому, кстати, ни в одном законодательном документе, государственном законе или правовом акте не встречается понятие «Православная Церковь» или «православный». Везде говорится только о религиозных объединениях, организациях, которые все равны перед законом.

Насколько нам известно, определенные трудности с подготовкой кадров испытывают и мусульмане, и иудеи, и представители других религий. Каких-то общих проектов в сфере образования у нас нет. Честно говоря, даже не знаю, существует ли реальная почва для развития таких проектов, но если будут какие-то предложения о совместной деятельности, мы всегда готовы их рассмотреть. Думаю, что на сегодняшнем этапе главное, что нас объединяет, — это проблема постановки религиозного образования на должный уровень и воспитание будущих священнослужителей в духе терпимости и уважения к другим религиям.

Как обстоит дело в Вашей Церкви с обучением студентов за рубежом? Как Вы лично относитесь к возможности для студентов духовных школ и богословских вузов получать образование за границей? Можно ли студентам из-за границы обучаться в ваших учебных заведениях?

Начну с последнего вопроса. В наших духовных школах обучаются иностранные студенты, хотя, откровенно говоря, их не очень много. Это, в основном, представители Поместных Православных Церквей, хотя иногда к нам приезжают на стажиров-

ку студенты католических и протестантских богословских факультетов.

Если рассуждать о том, почему не так много студентов едет к нам из-за границы, то, думаю, что тому есть несколько причин. Первая — это, конечно, языковой барьер: русский язык хоть и пользуется популярностью на Западе, но все-таки реально им владеют очень немногие. Даже сербским и болгарским студентам приходится учить русский язык фактически заново. Что касается иностранных студентов, часто далеко не последнюю роль играют межконфессиональные отношения: например, если говорить отдельно о студентах-католиках, то их пребывание здесь и соответственно направление наших студентов на католические факультеты в последнее время значительно осложняется непростыми отношениями между Русской Православной Церковью и Ватиканом.

Еще в недавние советские времена и речи не могло быть о том, чтобы студенты свободно ездили за рубеж. Человек, поступавший в Духовные школы, считался уже навсегда потерянным для общества, верующие люди фактически считались людьми второго сорта. Так что те единичные поездки, которые были в те годы, проводились исключительно с санкции и только под строгим контролем «компетентных органов», чтобы продемонстрировать западному миру, как в Советском Союзе соблюдается принцип свободы совести в отношении верующих граждан.

Теперь, слава Богу, ситуация изменилась, и что касается обучения наших студентов за рубежом, — лично я не вижу ничего плохого в том, если студенты старших курсов или выпускники Академии будут ездить за границу, чтобы продолжить свое образование или собрать материал для своих кандидатских диссертаций. Но я считаю нецелесообразным посылать для учебы за рубеж семинаристов, другое дело — ознакомительные или паломнические поездки. Очень многие наши студенты выезжают за рубеж в составе хоровых групп — они, наверное, уже исколесили пол-Европы. Но направлять за границу для учебы, для длительного пребывания, взаимодействия с представителями иных конфес-

сий нужно тех, кто уже сформировался как личность, определился в своих богословских и научных интересах. В настоящее время наши студенты и выпускники нашей Академии есть во многих странах Западной Европы и в Америке.

Размышляя о том, стоит ли продолжать богословское образование на Западе, мы часто упускаем из виду, что студенты российских Семинарий и Академий получают духовное образование по сути дела в условиях такой жизни, которая сегодня уже зачастую принципиально ничем не отличается от западной.

Но в то же время у определенной части наших студентов — особенно ни разу не выезжавших за рубеж — распространены достаточно сильные иллюзии относительно жизни в западных странах. Подчас в студенческой среде бытуют самые расхожие, по сути дела, примитивные представления о жизни на Западе, которые, образно говоря, можно выразить одной фразой: здесь, у нас все плохо, а там, у них на Западе, все хорошо.

Конечно, жизнь студента духовных школ нелегка, но речь сейчас о другом. Далеко не все студенты догадываются, что у нас, оказывается, есть такие преимущества, о которых православный человек на Западе может только мечтать. Это, например, возможность ходить сколь угодно часто на богослужения, регулярно исповедоваться и причащаться, даже просто общаться с единомышленниками на родном языке — это та часто незамечаемая, но совершенно необходимая для верующего человека жизненная среда, лишившись которой, он начинает испытывать серьезные проблемы внутреннего характера. Опять-таки только в сравнении можно понять всю глубину такого явления, как православное благочестие с его продолжительными уставными богослужениями, обязательной исповедью перед причащением, строгим соблюдением постов и т. д.

Итак, налицо справедливость известного изречения, что все познается в сравнении, поэтому чтобы студенты действительно могли сознательно и свободно оценивать и сравнивать уровень образования и духовной жизни «здесь и там», они должны иметь

ОТДЕЛ III

потенциальную возможность совершить образовательную поездку за рубеж. И даже если этой возможностью воспользуется не каждый студент, сам факт того, что возможность открыта для всех, кто хочет учиться и кто владеет иностранными языками, уже очень важен.

Практика образовательных поездок за рубеж была очень распространена до революции, так что в этом смысле мы не изобретаем ничего нового. Но думаю, что нужно стремиться к целевым поездкам, то есть направлять студента по возможности в те университеты, где интересующая его наука преподается на высоком уровне. В этом заинтересована в первую очередь Академия, направляющая студента за границу, поскольку логичным завершением этих поездок должно стать возвращение в *Alma mater* квалифицированного специалиста, который сможет на высоком уровне преподавать свой предмет.

Ваше Высокопреосвященство, мы благодарим Вас за содержательное и интересное интервью. Желаем Вам дальнейших успехов в деле духовного просвещения России.

Благодарю Вас за теплые слова, а также за возможность высказать свою точку зрения перед вашей аудиторией. Мне хорошо известно, что ваш журнал пользуется заслуженным авторитетом среди читателей в Западной Европе. На его страницах уже не раз затрагивалась тема духовного образования в Русской Церкви. К сожалению, на мой взгляд, не всегда положение духовных школ нашей Церкви освещалось объективно.

У нас, конечно же, еще много нерешенных проблем. Но в целом, могу со всей ответственностью сказать, что духовное образование в Русской Церкви находится сейчас на подъеме. Поэтому наша главная задача на нынешнем этапе — преобразовать имеющиеся положительные тенденции в устойчивое и поступательное развитие.